

- Это Тускул, милашка. Не думаю, что тебе интересно, но тебе придется тут пожить какое-то время.

Город Тускул, по мнению Эммы, выглядит отвратительно. Он гораздо больше ее родной деревни – и гораздо грязнее. Улицы узкие, темные и неприглядные, жители справляют нужду прямо на них: не стесняясь, задирают одежды и примащиваются. Кое-кто заходит за угол, но только потому, очевидно, что там удобнее присесть, и потоки дерьма лениво стекают в канавы, выдолбленные возле фундаментов домов. Зловоние то и дело заползает в нос, Эмма морщится и мотает головой. Тускул давит на нее – и высотой домов, и теменью, и запахами. Как люди живут здесь? Как могут они обходиться без свежего ветра и моря? А ведь море рядом, но кажется, будто его нет вовсе.

Дорога от порта до города заняла много времени, солнце успело перевалить через половину неба. Эмма устала, ей хочется есть и пить. По нужде она сходила еще на корабле, пока не успели отобрать ведро, так что хотя бы это ее не мучает.

- Что, не нравится, красотка? – хмыкает Наута, на короткий миг поворачиваясь к ней. – Привыкай. Теперь это твой дом.

Он не говорит ничего нового, только повторяет, что Эмме придется привыкнуть. Эмма не думает, что это произойдет прямо сейчас – если вообще произойдет.

Он идет рядом с телегой, которую тянет чахлая тощая лошадь, и это та повозка, что прислал Аурус. Поскупился, однако. В телеге высится клетка, а в ней, скрючившись, сидит Эмма. Решетка редкая, но недостаточно, чтобы можно было сквозь нее просочиться. Эмме ничего не остается, кроме как сидеть смирно и наблюдать за происходящим. Отец всегда учил сначала приглядываться, а потом уже делать выводы. В ее положении иначе и не получится. Поэтому она ничего не отвечает Науте, а просто смотрит и запоминает.

Большинство горожан одеты богато: на них украшенные узорами чистые туники. Часть передвигается на повозках или же носилках, но основная масса идет пешком, а рядом семят рабы, готовые защитить своих господ при надобности. То и дело мелькают разносчики всякой всячины, а по бокам и без того узких улиц расположились лотки. Эмма видит брадобрера, оказывающего услуги. Видит мальчишек, выторговывающих на стекляшки какие-то свертки. Справа звенит монетами меняла, слева зеваки собрались возле заклинателя змей и всячески выражают ему свое восхищение. Откуда-то отчетливо несет подтухшей рыбой. Улицы гудят, стучат, шумят, и все эти звуки сливаются в единое целое, из которого все труднее вытащить что-то одно. Эмма морщится и закрывает глаза, невольно вспоминая свою деревню. Как там было чисто, как просторно, как светло!

- Говорят, в Риме расчистили улицы, – меж тем снова заговаривает Наута, и Эмма волевым усилием прислушивается к нему. – Убрали всех торгашей, поносили часть домов, стало шире и просторнее. Я все гадаю, когда же сюда доберутся.

Люди единой толпой текут мимо, кое-кто, не стесняясь, разглядывает Эмму. В глазах одних

читается интерес и похоть, другие явно сочувствуют. Эмме не нравится ощущать на себя чужие взгляды, они ползают по ее спине и животу подобно мохнатым ядовитым гусеницам, от которых так и тянет почесаться. Но она никуда не может скрыться, ей приходится терпеть и сильнее цепляться ноющими пальцами за прутья решетки, когда телега в очередной раз сталкивается с повозкой, движущейся навстречу. Толчок вынуждает ее неудачно перенести вес на больную ногу, и та моментально вспыхивает алым пламенем. Эмма давит вскрик и жмурится, прикусывая язык. Аурус обещал лекаря. С такой ногой не сразишься на равных и убежать не попытаешься: тут же вернут и покалечат вдвое больше, а после выбросят на улицу, потому что калека никому не нужна. Эмма хочет выбраться и вернуться домой, а значит, ей следует затаиться на какое-то время. Во всяком случае, пока она не наберет достаточно сил.

Эмма старается глубоко не вдыхать и вспоминает, что слышала про это поганое место.

Слава Римской империи докатилась и до севера. Отец рассказывал, что римские отряды время от времени появлялись там, но всякий раз встречали достойный отпор и возвращались ни с чем. Если вообще возвращались. Говорят, Цезарь пока что не слишком упорствует насчет севера потому, что ему есть чем заняться и на юге. Но однажды юг сдастся, и тогда родичам Эммы придется собирать армию, чтобы не допустить вторжения. Ах, как бы Эмма хотела отомстить римлянам: всем и каждому! За то, что сидит сейчас на потеху публике в клетке. За раненую ногу. За спесь и надменность. Но что сделает она одна против целого легиона, наверняка стоящего здесь на страже? Эмма усилием воли смиряет гордость, уговаривая себя потерпеть. Смерть по-настоящему почетна лишь на поле боя. И тогда Один улыбнется ей и назовет равной.

Как жаль, что Эмма не слишком набожна. Говорят, тем, кто бесконечно молится, боги являются чаще. Может быть, если бы она была такой, то не сидела бы сейчас в клетке и не гадала, что ее ждет. Но она вспоминает про Одина только тогда, когда становится совсем плохо. Нужны ли богам такие молитвы?

Эмма думает об отце. Молча благодарит его за то, что он всегда считал ее равной себе и никогда не отмалчивался, когда она задавала неудобные вопросы. Именно он рассказал ей все, что знал про Рим. Благодаря ему она практически не ощущает страха от того, что происходящее все больше сдавливает ее. Рим и его правила ей известны. И она крепко обнимет отца, когда вернется.

- Что молчишь, красавица? - интересуется Наута, подозрительно поглядывая на Эмму. - Задумала что-то? Лучше выбрось эти мысли: тебе не выбраться.

Эмма смеряет его долгим взглядом. Этот тоже в ее списке. Но он может оказаться полезным из-за своей болтливости.

- Римляне презирают ланист, - говорит Эмма, глядя прямо в глаза Науте. - Они станут презирать и меня?

Она знает, что ланисты, по сути, работоторговцы: ведь чтобы заполучить хорошего гладиатора, им приходится скупать живой товар, привезенный пиратами. Никто из честных граждан

Римской империи не станет заниматься таким ремеслом. Но вот что интересно: все эти честные граждане с удовольствием ходят на гладиаторские бои.

Наута сплевывает в сторону комок жевательного имбиря.

– Аурусу неважно, что там думает общество, – ухмыляется он небрежно. – Я и другие торговцы поставляем ему лучший товар, с чего бы ему отказываться от денег? Да и не годится он больше ни на что, мерзкий крокодил!

Наута гогочет, довольный своими словами, а Эмма думает, что сказал бы Аурус, услышав, как отзываются про него его же компаньоны. Или ему и на это плевать? Она хочет спросить, что такое «крокодил», но почему-то не спрашивает. Наверняка что-то плохое.

Телега продолжает двигаться по загруженной улице, людской гомон не смолкает, нога болит все больше, но вот настает момент, когда Эмма видит перед собой большое здание: больше, чем все остальные, которые она успела увидеть. Сложенное из светлого камня, имеющее два этажа, оно разительно выделяется. И Эмма нутром понимает, что они добрались до цели. Внезапная дрожь пробирает изнутри, будто снизошедшее благоговение. Но, скорее всего, это только предвкушающий страх перед тем, что Эмме придется пройти, когда она окажется внутри. Слышать о гладиаторах и стать одной из них... Это вряд ли можно сравнить. Впервые за то время, что Эмма провела на римской земле, ей становится отчетливо понятно: за каждым углом в этом городе ее поджидает смерть. И она умелый противник.

Наута разматывает цепи, открывает клетку и играючи подает руку, словно для того, чтобы помочь. Когда Эмма, колеблясь, протягивает свою, Наута с мерзким смехом отступает назад, и Эмма со стыдом вспоминает, кто она теперь. Рабыня, до которой никто не захочет дотронуться. Кое-как, стараясь поменьше опираться на больную ногу, она спускается с телеги, и Наута тут же хватается за руку и тащит за собой, внутрь здания, а затем по прямой неширокой галерее. По обе стороны этой галереи виднеются помещения, входы в них лишь изредка занавешены каким-то тряпьем, все остальные комнаты выставлены на обозрение. Эмма успевает заметить обнаженного мужчину, поливающего плечи водой из кувшина.

– Быстрее, быстрее, – безжалостно подгоняет Наута. Эмма, как может, ковыляет за ним, едва не срываясь на крик. Боль в ноге уже не просто пульсирует, она пожирает сознание и мутит голову. Хочется сорваться на крик. Навстречу попадают люди, в основном мужчины, и все они уступают дорогу, словно не желая связываться с Наутой. Когда Эмма уже ничего не видит из-за слез, наворачнувшихся на глаза от боли, Наута внезапно резко останавливается. Бросает пару лающих слов, но с места не двигается, словно ему кто-то мешает это сделать. Эмма глубоко вдыхает, мельком отмечая, что здесь почти не воняет, и тщательно моргает, разлепляя веки.